

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ (обзор новых идей)

Автор: С. КОРНИОРДОС

КОРНИОРДОС Сократис - профессор Эллинского открытого университета (Греция).

Экономическая социология - одно из активно развивающихся в международном масштабе направлений социологической науки. Чтобы оценить состояние этой дисциплины сегодня, имеет смысл обратиться к некоторым обобщениям ее развития, представленным в спецвыпуске журнала "Current Sociology"¹.

С середины 1980-х годов заговорили о возрождении экономической социологии (ЭС). Целый ряд экономических феноменов вновь оказался в поле зрения социологов, обогатив наши представления о них. До названного временного рубежа этими феноменами занимались исключительно экономисты в соответствии с принятым в науке делением дисциплинарных полей знания. Возрождение ЭС сопровождалось рядом фундаментальных исследований экономических феноменов с использованием концептуального и методологического инструментария социологии. Среди них социальное конструирование с помощью ряда теоретических концепций, разработанных экономической социологией, - прежде всего, концепции социальной и культурной укорененности (embeddedness), позаимствованные из других дисциплин теории "зависимости от тропы" (path dependence) и "перформативности". В этой связи можно назвать труды М. Грановеттера о структурах рынка труда (1995), монографию Н. Флигстайна о современных рыночных обществах (2001) и книгу В. Зелицер (1994) о меняющемся значении денег [1].

Становились ясными и признаки того, что рост ЭС идет вширь, в основном за счет изучения экономических феноменов и практик, ранее социологами не изучавшихся. Считается, что рост ЭС идет вглубь лишь в малой степени. Особенно очевидно, что вклад экономической социологии в создание новых теоретических положений не выходит за рамки того, что достигнуто к сегодняшнему дню. В этом отношении воздействие ЭС на "реальный мир" пока очень невелико: экономика все еще в решающей мере влияет на вопросы политики, связанной с хозяйственными и экономическими феноменами.

¹ Current Sociology. 2007. January. No. 1. V. 55. Special Issue: Current Economic Sociology: Problems and Prospects.

Эта ситуация вызывает вопросы о диапазоне действенности экономической социологии. Продолжится ли ее рост путем освоения новых полей социологического знания и ограничится ли он этим? Вырастет ли ее теоретический потенциал, делая социологический анализ более значимым и полезным? Обретет ли она свое место в образовании? Уже отмечалось [2], что это лишь некоторые проблемные поля, на которые следует обратить внимание, если мы хотим дальнейшего поступательного развития, - резюмирует автор эту часть вступления. Говоря о статьях, включенных в спецвыпуск журнала, отметим, что они в разной степени обращены к некоторым подобным проблемам.

Рост экономической социологии отразился на институционализации этой субдисциплины. Созданы секции профессиональных социологических ассоциаций Европы, США, МСА; кафедры в известных университетах. Появился ряд учебников и хрестоматий, оказывающих регулирующее влияние на эту сферу [3]. Но специального научного журнала по экономической социологии пока нет, рост ее признания ограничен, данная научная дисциплина практически не влияет на решения политиков.

Реагируя на такое положение, К. Триджилья (университет Флоренции, Италия) отмечает, что трудности признания и институционализации препятствуют развитию этой дисциплины. Он пишет об опасностях, связанных с вовлечением в политику. Анализ взаимосвязей экономической социологии с экономической политикой завершается выводом, что в последние десятилетия первая, несмотря на достижения, не оказала заметного влияния на вторую, и сейчас это тормозит ее рост.

С начала 1980-х годов экономическая социология получила ряд важных теоретических результатов, особенно в анализе экономической организации на микроуровне через призму идей социальной и культурной укорененности. Роль социальных факторов в современной экономике стала очевидной, социальные отношения становятся все важнее для экономического развития. Но потенциал содействия политике экономического роста со стороны экономической социологии пока не реализован. Триджилья считает, что ЭС добьется признания в плане влияния на политику, если сместит акцент на локальный уровень развития инноваций. Этот уровень легко выделить, систематически сравнивая комплекс основанных на сетевых связях социальных отношений со всей экономической деятельностью и развитием. А это близко заботам политиков. Есть и другие возможности, например, проблемы роли социального капитала в рамках экономической социологии, влияния инноваций на феномены экономики [4].

Столь же важной представляется проблема, поднятая в статье Г. Шинштока (университет Тампере, Финляндия) "От зависимости от тропы к созданию тропы: Финляндия на пути к экономике знаний". Согласно данным его исследования в рамках методики "кейс-стади", успешная перестройка экономики страны с переработки леса на производство информационно-коммуникационной техники (известная фирма "Нокиа" не единственный пример) доказывает возможность перехода на новую "колею" развития. Автор подчеркивает, что экономика Финляндии избежала застоя при переходе на новую траекторию развития. Благодаря сетевому подходу был осуществлен ряд согласованных и управляемых мобилизационных действий, открывших дорогу комплексу технических и социальных новаций, в итоге преобразивших экономику страны. Это, в свою очередь, потребовало подвижек в национальной идеологии, культуре, решениях и действиях индивидуальных и коллективных агентов.

"Зависимость от колеи" стала также темой статьи С. Гецци и Э. Миньоне (университет Бикокка, Италия): "Укорененность зависимость от колеи и социальные институты в свете экономической социологии". Авторы подчеркивают, что подход с позиций укорененности сопряжен с аналитической трудностью в валидации этой идеи при переходе с микро- на макроуровень. Авторы, в частности, отмечают необходимость нахождения связи этих уровней при превращении сетей и систем социальных отношений в институты макросоциологической регуляции поведения индивидов.

Предлагаемое Гецци и Миньоне решение связано с теорией зависимости от колеи, которая, по их мнению, раскрывает роль различных исходных конфигураций, а также

последовательности принимаемых решений. Анализ в рамках теории зависимости от колеи, требующий тонкой селекции исторических данных, показывает, что некоторые укорененные условия меняются, превращаясь в конкретные институциональные конфигурации, продвигающие развитие. И тогда анализ предстает как различия форм процессов расставания с корнями или возвращения к ним, о чем писал М. Поланьи, полагавший нужным эмпирически изучать все разнообразие институтов, значение конфигураций, вторгающихся в различные социальные сети. Это разнообразие - результат сочетания выхода из укорененности и возвращения к ней, стимулируемого новыми возможностями рынка. Важны также исторические и культурные различия процессов выбора пути развития, конструирования институтов социальной регуляции социализационных предпочтений экономических акторов. В этих процессах внимание уделяется трансформации социальных систем, основанных на взаимности (реципрокности): домохозяйство, родственники, сети социального капитала и пр., ассоциации по интересам, формам экономической организации, неравному распределению власти и политическим вмешательствам.

В центре внимания статьи Л. Чаевского (Институт политических исследований Академии наук Польши) "Агентные отношения, укорененность и отношения занятости" оказалась проблема агентов - активных работников и предпринимателей, способных реализовать собственные долгосрочные "стратегии" поведения. Она же рассмотрена в упомянутой выше статье Г. Шинштока о "тропе" Финляндия к экономике знаний. Статья Чаевского отражает противоречия между предсказательной силой социологической концепции "укорененности" и реальным поведением рабочих в Восточной Европе в период недавних преобразований. Рабочие нередко шли на уступки нанимателям в вопросах длительности рабочей недели, условий труда и зарплаты. Чаевский полагает, что экономическая социология позволяет понять, как различные условия, экономические традиции, в частности, создают неожиданные ситуации для агентов. Но в меньшей степени она помогает пониманию агрессивных практик современного неолиберализма, в частности, "гибких" форм организации труда на фирмах, позволяющих активно дистанцироваться от социальных групп, к которым они прежде принадлежали. И если экономическая социология пока не придавала центрального значения отношениям агентов, то, по мнению Чаевского, пришло время поправить ситуацию и создать теорию действия агентов. Ее целью будет изучение того, как акторы, сотрудничающие в определенном укорененном социальном строе, могут использовать свои агентные прерогативы, входя в социальные группы, институты и социальные структуры или покидая их. В попытке создать такую теорию, Чаевский делает заимствования из ряда экономических теорий и оспаривает некоторые из них. Концепция укорененности слабо помогает понять ключевые социальные и экономические процессы нашего времени. Опираясь на факты о роли организованной рабочей силы в недавних переходных процессах в Восточной Европе, он показывает, что посылка о роли взаимоотношений агентов - важное дополнение к тезису об укорененности, если экономическая социология намерена объяснить нынешнюю тенденцию рабочих отказываться от привычных норм социальной защиты.

Статья О. Кесслера (Билефельдский университет, Германия) "Перформативность риска и границы экономической социологии" также сосредоточена на отношениях экономической социологии с экономикой. Автор стремится показать, как экономическая теория формирует экономику. При этом он апеллирует к лингвистическому повороту в социальных науках: если считать, что язык влияет на экономические институты и формирование экономики, можно утверждать, что сама экономика становится частью экономических практик, оказываясь тем самым предметом внимания экономической социологии. А это, в свою очередь, сказывается на понимании самой экономической социологии.

Кесслер применяет идею перформативности к семантическому различению - риска от неуверенности. Риск следует отличать от "неуверенности", хотя социологи и экономисты, как правило, этого не делают. Перформативность связывает язык и

социальную практику, позволяя утверждать, что словарь экономики, как и ее модели, не просто описывает экономические феномены. Более того, слова интересубъективно обозначают истинное и верное, влияя таким образом на контуры экономики, на создание конкретных социальных структур. Иными словами, автор призывает экономическую социологию активно заняться "денатурализацией" экономического словаря (т.е. отказаться от рассмотрения категорий экономики по образу и подобию понятий естественных наук), тем самым заново проведя границы между обеими дисциплинами.

Аналогичным образом (в контексте изучения границ между ЭС и экономической теорией) С. Ягд (университет Роскильда, Дания) в статье "Конвенциональная экономика и новая экономическая социология: взаимное вдохновение и диалог" анализирует подходы группы французских экономистов, сторонников "конвенциональной экономики" (КЭ) (см. публикации СОЦИС [5]). Они считают конвенционализм² инструментом (и институтом) снижения неуверенности среди акторов экономики. Это весьма близко к современной проблематике ЭС. Более того, сторонники этого направления, обратившись к основам экономической мысли, показали их роль в формировании экономических процессов. Ягд считает, что формы оправдания связаны с экономическим действием. Он также показывает усилия "конвенциональных экономистов" (Андре Орлеан) "денатурализовать"³ составные части экономического мира, точнее доминирующие представления экономистов о них. Последние, по мнению представителей КЭ, лежат вне социальной сферы. Деконструкция базовых посылок и представлений большинства экономистов, предпринятая представителями КЭ, нацелена на анализ того, как акторы создают и меняют рынки, на которых действуют. И это также явно доказывает близость идей конвенциональной экономики к экономической социологии.

Заключительная статья А. Дарра (университет Хайфа, Израиль) "Взаимное создание сетей обязательств в массово-промышленных рынках" написана на данных этнографических исследований. В ней показаны различия форм укорененности в современных социальных контекстах передовых обществ. Однако они в той же мере, что и в традиционных обществах, создают основы социальных отношений. Исследование сфокусировано на теме, мало изучавшейся экономической социологией - продажах электронных компонентов в промышленности США. Дарр показывает, что агенты продаж весьма значительно опираются на "сети взаимных обязательств", которые сами же активно плетут ради поддержания их уровня. В статье показано, что неформальные связи, доверие и мобилизация социального капитала полностью сохраняют свое значение в экономических транзакциях. Без них последние просто были бы невозможны.

Завершая обзор публикуемых в номере статей, обращаем внимание на проблематику (1) укорененности. В статьях делаются попытки уточнить, например, ее связи с "зависимостью от колеи", с социальными переменными, в частности, в рамках создания *новой тропы*. Второй общий знаменатель статей - (2) их опора на концепцию социального капитала, наиболее крупный предмет экспорта экономической социологии в другие научные дисциплины, политику и управление. Далее следует отметить важность (3) компаративных политико-экономических исследований, - выделения политико-идеологического элемента, пронизывающего экономические феномены;

(4) большего внимания к социологии интереса и основанном на интересе институциям, (5) дальнейшей разработки собственной идентичности экономической социологии и ее институционализации.

² "Социологический энциклопедический англо-русский словарь" С. А. Кравченко (М., 2004. С. 171) определяет это понятие так: "...методологический постулат, согласно которому в основе научных теорий лежат произвольные условности (конвенции между учеными), выбор которых обусловлен соображениями "экономии мышления"".

³ Сторонники "натурализма" полагают, что мир экономики состоит из природных (natural) элементов, наиболее важны среди которых товары и деньги, что позволяет актерам интерпретировать их однозначно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Granovetter M.* Getting a Job: A Study of Contacts and Careers. 2nd ed. Chicago: University of Chicago Press. 1995; *Fligstein N.* The Architecture of Markets: An Economic sociology of Twenty-First Century Capitalist Societies. Princeton, NJ: Princeton University Press. 2001; *Zelizer V.* The Social Meaning of Money. New-York: Basic Books. 1994.
2. *Swedberg R.* What Has Been Accomplished in New Economic Sociology and Where is it Heading // *European J. of Sociology.* 2004. V. 45. N 3. P. 317 - 330.
3. *Biggart N.W.* (ed.). Readings in Economic Sociology. Oxford: Blackwell. 2002; *Carruthers B., Babb S.* Economy/Society: Markets, Meaning, and Social Structure. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press. 2000; *Granovetter M., Swedberg R.* (eds). The sociology of Economic Life. 2nd ed. Boulder, CO: Westview press. 2001; *Guillen M., Collins R., England P., Meyer M.* (eds). The New Economic Sociology: Developments in an Emerging Field. New-York: Russell Sage Foundation. 2002; *Swedberg R.* Principles of Economic Sociology. Princeton, NJ: Princeton University Press. 2003; *Smelser N., Swedberg R.* (eds). The Handbook of Economic Sociology. 2nd expanded edn. New York: Russell Sage Foundation/Princeton, NJ: Princeton University Press. 2005; *Trigilia C.* Economic sociology: State, Market and Society in Modern Capitalism. Oxford: Blackwell. 2002.
4. *Swedberg R.* What Has Been Accomplished in New Economic Sociology and Where is it Heading // *European Journal of Sociology.* 2004. V. 45. N 3. P. 317 - 330; *Swedberg R.* The Toolkit of Economic Sociology // *SOCIUS Working Paper No.4/2006*, ISEG, Technical University of Lisbon; at: [pascal.iseg. utl.pt-socius/index.htm](http://pascal.iseg.utl.pt-socius/index.htm)
5. *Бородкин Ф. М.* Взаимодействие социологических и экономических наук. Что впереди? // *Социол. исслед.* 2005. N 12; *Хархордин О. В.* Прагматический поворот: социология Л. Болтански и Л. Тевено // *Социол. исслед.* 2007. N 1.

Перевод Н. В. РОМАНОВСКОГО